

МАША ТРАУБ

РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ

Маша Трауб

Руками не трогать

«ЭКСМО»

2013

Трауб М.

Руками не трогать / М. Трауб — «Эксмо», 2013

Самые интересные и удивительные истории происходят в замкнутом пространстве. Стоит нескольким людям оказаться в одном помещении – и спустя некоторое время начинается фарс, трагедия и неизбежная «комедия положений». И порой не знаешь, то ли плакать от этого, то ли смеяться. Маша Трауб

Маша Трауб

Руками не трогать

© Трауб М., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

– Еленочка Анатольевна, доброе утро!

– Здравствуйте, Берта Абрамовна.

– Сегодня такой тяжелый день! Вы наверняка слышали, что у меня съемки. Не спала всю ночь – готовилась. И представляете, записалась в салон на укладку, а мастер опоздала! Результат вы видите! Ну как я с такой головой появлюсь в кадре? А потом еще автобус ушел прямо перед носом. Я уверена, совершенно уверена, что водитель это сделал намеренно. Он ведь меня прекрасно видел – и захлопнул двери. Скажите, это такое общее падение нравов или просто такой день?

Берта Абрамовна, главная хранительница, главная музейная звезда, продолжала щебетать про автобус и мастера салона, которая даже не сочла нужным извиниться за опоздание.

– И ведь наверняка, я просто уверена, мою фамилию в титрах напишут неправильно! – восклицала она.

Правильное написание фамилии Берты Абрамовны де-Трусси – именно через дефис, «де» с маленькой, «Трусси» с большой – было ее пунктиком, нет, делом чести, а заодно и проверкой на профпригодность. Если человек не мог правильно написать де-Трусси, для главной хранительницы становилось «все понятно и даже очевидно».

– Вы знаете, как пишется Барклай-де-Толли? – строго спрашивала Берта Абрамовна съемочную группу.

Группа испуганно кивала сначала в знак согласия, а потом в знак отказа.

– Хорошо. – Берта Абрамовна делала глубокий вдох, набираясь терпения. – Вы знаете, кто такой Барклай-де-Толли? Нет? Это имя вам ни о чем не говорит? Ну же. Я вам подскажу – князь, фельдмаршал, полководец, война 1812 года... Ну? Нет?

Глаза слушателей становились стеклянными.

– Так вот, господа, Барклай-де-Толли пишется с двумя дефисами, а мое имя – де-Трусси – с одним. Но «де» – непременно со строчной. Вы поняли?

– А вы ему родственница? – спросил юноша, который гордо называл себя продюсером. Берта Абрамовна искренне не понимала, в чем заключаются его обязанности.

– Кому? – удивилась главная хранительница.

– Ну, этому Барклаю.

С этого момента для Берты Абрамовны все «стало понятно» про продюсеров, и она начала относиться к юноше с презрением, Впрочем, не позволяя себе его выказать очевидно. А полунеадекват тот все равно не понимал.

Уже полгода Берта Абрамовна считала себя звездой голубого экрана. Она «снималась». У нее каждую неделю были то съемки, то пересъемки, и это было очень утомительно. Ну очень утомительно. Прическа, макияж, осанка, новый костюм – пришлось сменить чуть ли не весь гардероб! И все ради «познавательного», да, именно так – не документального, не научно-

популярного, а именно познавательного – фильма, в котором Берта Абрамовна играла главную роль: рассказывала о музейных экспонатах. Целый час съемки ради девяти минут в эфире!

«Девять минут! – восклицала Берта Абрамовна уже про себя. – Как можно ограничиться всего девятью минутами? Что остается от рассказа? Огрызок? Нет. Плевок! И не мне в душу, а в душу зрителя! И меня даже не допускают до обработки материала! Откуда им знать, что важно, а что нет?»

На самом деле тревоги хранительницы были связаны не с тем, дойдет ли ее мысль до телезрителей. «Познавательный» фильм шел по одному из каналов, который транслировался в Интернете. Как такое возможно, Берта Абрамовна понять до конца не могла, как не могла «оценить» аудиторию, для которой «работала». С помощью «дорогой Еленочки Анатольевны», которая «разбиралась в компьютерах», она один раз посмотрела выпуск и осталась очень недовольна. Даже расстроена. Прическа смотрелась ужасно. Костюм сидел еще хуже и явно прибавлял лишние килограммы. Очень неудачный свет. И ракурс. Совсем не ее ракурс! Неужели у нее столько морщин?

– А что значат эти цифры? – спросила главная хранительница Елену Анатольевну, ткнув в экран розовым ногтем – лак был подобран под цвет костюма.

– Это количество просмотров, – объяснила та.

– Пятнадцать? Всего пятнадцать?

– Да, – равнодушно подтвердила Елена Анатольевна.

После этого Берта Абрамовна твердо решила отказаться от «дальнейшего сотрудничества». К тому же у нее «накопились претензии» к главному режиссеру передачи, юноше «более чем посредственному». «Юноше» стукнуло сорок, он был лыс и имел внушительный живот. Но для главной хранительницы все мужчины, которые не могли правильно написать ее фамилию и явно имели пробелы в образовании, оставались юношами. С одной стороны, так она обозначала инфантильность, недостаток знаний и узость кругозора, с другой – давала им шанс вырасти до «мужчины». Так вот, режиссер хотел, чтобы Берта Абрамовна рассказывала «интересные истории».

– Вы понимаете, Еленочка Анатольевна, он ждет от меня скабрзностей! Именно скабрзностей! Ему совершенно неинтересно творчество!

Но режиссер, которому хранительница объясняла, почему не может сниматься и потакать «диким требованиям», прервал ее на полуслове, сказав, что в следующий раз приедет со стилистом. Берта Абрамовна ахнула и согласилась. Теперь главная хранительница имела возможность «менять наряды», которые привозила девушка-стилист, и почти – ну почти – добилась, чтобы ее фамилия писалась правильно. Долгожданный дефис после «де» наконец появился. Правда, «де» все-таки написали с заглавной.

А у Еленочки Анатольевны, младшего научного сотрудника музея, появилась еще одна обязанность – устраивать Берте Абрамовне просмотры вышедших выпусков на компьютере и «высказывать мнение». Впрочем, Еленочка Анатольевна давно знала свою начальницу, поэтому мнение держала при себе.

– У вас прекрасная спина. Как у балерины, – говорила она приблизительно на пятой минуте просмотра, зная, что спина – сомкнутые лопатки – гордость главной хранительницы. И та благосклонно кивала, но тут же спохватывалась:

– О чем вы говорите, Еленочка Анатольевна? При чем тут моя спина? Я прекрасно все знаю про свою спину! Вот вы мне скажите, как можно было... э-э-э, как они говорят, «вырезать», да вырезать имя композитора? О ком я рассказываю? Нет, это невозможно! Просто невозможно! Вырезать Фредерика Шопена! Они оставили только то, что я рассказывала про Жорж Санд! Поверьте мне, я не иду у них на поводу! Ни в коей мере! Не могла же я не упомянуть о ней! Да, один раз я назвала ее любовницей, но всего один раз! И именно этот кусок они оставили! Нет, я все-таки откажусь от сотрудничества! Они меня вынудят пойти на это!

Еленочка Анатольевна, вы меня слушаете? Что у вас с лицом? Вы сегодня не в духе? Плохо себя чувствуете? Я говорила, что ваша привычка одеваться не по сезону – блажь и безответственность. Да, именно безответственность по отношению к собственному организму! Вот, вы заболели! И пришли на работу в таком состоянии! А у меня съемки! Я никак не могу болеть! Дорогая Еленочка Анатольевна, если вы сами не понимаете, что ваше состояние опасно для других сотрудников, то я считаю своим долгом вам об этом сказать. Да, без всяких намеков. Идите домой и примите меры. Если вам на свое здоровье наплевать, то подумайте об окружающих! Все, домой немедленно!

Берта Абрамовна полезла открывать окно, поскольку верила в то, что свежий воздух, желательно морозный, убивает микробов. Главная хранительница устраивала «пятиминутки здоровья», каждый час открывая настежь все фрамуги. Именно от этих пятиминуток Елена Анатольевна, по натуре мерзлявая, и простыла, а вовсе не потому, что «одевалась не по сезону». Напротив, она даже вынуждена была принести на работу пуховый платок и шерстяные носки. И уж конечно, она не могла сказать главной хранительнице, что и без регулярных проветриваний в кабинетах гуляет сквозняк, поскольку окна – старые, давно разошедшиеся и их надо заклеивать на зиму. Берта Абрамовна заклеивать окна отказывалась категорически, так что, сидя на рабочем месте, Елена Анатольевна в полной мере ощущала, как сифонит от окна. Если же окно было открыто в соседнем кабинете, то появлялся еще один источник – начинало дуть из-под двери по ногам. И она, как ни пристраивалась, как ни отодвигала стул и стол, все равно оказывалась на перекрестке сквозняков. Берта Абрамовна же всегда определяла атмосферу в кабинете двумя наречиями – «душно» или «невыносимо душно».

Когда Берта Абрамовна убегала по своим делам, коих было много, «так много, что голова кругом», Елена Анатольевна куталась в платок и надевала носки. На ее лице появлялось выражение полного блаженства, которое, впрочем, длилось недолго: главная хранительница, несмотря на возраст – в прошлом году ей исполнилось семьдесят пять, – обладала завидной прытью, удивительной скоростью передвижения по музею и способностью появляться как черт из табакерки. Прямо перед носом. Елена Анатольевна даже думала, что Берта Абрамовна вовсе не живой человек, а привидение. Или неугомонная душа, которая обладает способностью к материализации. Ну, или в крайнем случае, хранительница секрета вечной молодости и активности. Берта Абрамовна на работе совершенно не признавала никаких тапочек, платков, носков и джинсов. Для сотрудниц музея существовал негласный дресс-код, который подразумевал юбку ниже колена и блузку. Были допустимы кардиганы и пиджаки. Единственным украшением, с точки зрения хранительницы, мог быть шейный платок или брошь. Шпильки, танкетки, сабо, ажурные колготки, леггинсы, свитера крупной вязки, а также бижутерию она считала не просто моветоном, а вызывающей пошлостью.

– Если у вас нет настоящего жемчуга, не унижайте себя подделкой, – сказала она однажды Елене Анатольевне, увидев сережки, которые той очень нравились. Причем подделку Берта Абрамовна различала даже не с двух шагов, а еще находясь за дверями кабинета. Так, благодаря главной хранительнице Елена Анатольевна узнала, что колечко, которое подарил ей Гера и которое она считала золотым и очень дорогим, оказалось позолоченным.

– Если мужчина считает для себя позволительным делать такие подарки, найдите себе другого. И побыстрее, – посоветовала Берта Абрамовна. – Он обманет вас раньше, чем вы думаете. И окажется такой же фальшивкой, как это кольцо.

Елена Анатольевна часто сидела за своим столом, уставившись на чистый лист бумаги, представляя себе, кем на самом деле может быть главная хранительница и откуда она черпает силы. Ведь не может обычный человек находиться в двух местах одновременно. Она ни разу не видела, чтобы Берта Абрамовна обедала или завтракала. При этом, во сколько бы Елена Анатольевна ни пришла на работу и как бы поздно ни засиживалась, главная хранительница была на своем посту. Могло показаться, что Берта Абрамовна вообще не ест и не спит. И эта ее

способность – оказываться за спиной, слышать сквозь стены... Елена Анатольевна побаивалась начальницу. Да что там побаивалась – боялась.

Впрочем, она часто думала о том, что мало имело отношения к действительности, к реальной жизни. Иногда она представляла себе, что тоже не живая, а, например, мумия, которая лежит и наблюдает за происходящим из своего саркофага и видит Берту Абрамовну как бы со стороны. Елена Анатольевна могла провести целый день в мыслях о том, была ли у Шопена шизофрения, а если была, то что он чувствовал. И почему главная хранительница не разрешила повесить в главном зале портрет Шаляпина, сказав, что в музее «безумия предостаточно»? Что это значит? Елену Анатольевну два дня не покидала эта мысль.

Эта способность – часто уходить в себя – совсем ей не мешала. Напротив, придавала ее лицу особенную одухотворенность, нездешность, аморфность и «легкий налет идиотизма», как говорила Берта Абрамовна, правда, незлобиво. В это выражение лица, эти затуманенные глаза, чуть приоткрытый рот и легкую сутулость когда-то влюбился первый, и единственный, мужчина в жизни Елены Анатольевны – Гера. Хотя Елене Анатольевне больше нравилось его полное имя – Герман. Мужественное, решительное, харизматичное имя. Они не были женаты официально, Гера и не предлагал, но Елена Анатольевна всегда считала его мужем. Пусть гражданским, но все-таки мужем. И всегда говорила, что да, была замужем. Долго. Целый год. Этот год был для нее всем – и прошлым, и настоящим, и будущим. Этим годом она жила в своих мечтах, это время бережно хранила в памяти, правда, искромсав на кадры, как пленку. Она сохранила то, что хотела, и выбросила то, что причиняло ей боль. Например, последний месяц совместной жизни с Герой, когда он приходил поздно, как правило, нетрезвый, ложился спать, а утром поспешно уходил, как будто сбегал от нее. Елена собиралась с ним поговорить, но никак не могла решиться. Она, чтобы не чувствовать боли, придумала себе экскурсии по музею – как поднимается по лестнице на второй этаж, заходит в зал, рассматривает экспонаты. Елена Анатольевна погружалась во внутренние интерактивные экскурсии, заставляя себя припоминать малейшие нюансы из музейной экспозиции – цвет рамы на портрете, количество клавиш на клавишине... Гера смотрел ей в глаза, которые ничего не выражали, ни одной эмоции, и уходил. Иногда она даже не замечала, что он ушел. А потом Гера просто пропал. Исчез. Елена Анатольевна тогда пережила самое страшное время, думая о том, что он попал в беду – его похитили, убили, он потерял память.

Елена Анатольевна не могла, не умела говорить по телефону. Так бывает, когда человек изучает иностранный язык и вроде бы может читать, понимать, вести диалог, но самый простой телефонный разговор вызывает у него внутренний ступор. Даже простые слова не шли на язык, и появлялось ощущение немоты. Эта странная фобия – боязнь говорить по телефону – присутствовала у нее всегда. Елена Анатольевна немела и могла только тяжело дышать в трубку, не в силах сказать ни слова. Невероятных, практически невыносимых усилий ей стоило начать обзванивать больницы, чтобы узнать, не поступал ли туда ее Гера. Именно тогда она свалилась с чудовищным гриппом, металась в температурном бреде, в истерике, поскольку в больницы Гера не поступал, а найти в себе силы начать обзванивать морги и сообщить об исчезновении человека в полицию она не могла. Пробуждаясь от дурного сна, Елена Анатольевна понимала, что Гера ей никто – не муж, не родственник. Но в этот момент отрезвления у нее вновь поднималась температура и она проваливалась в забытие.

Однажды она открыла глаза и увидела перед собой Берту Абрамовну и других людей. Главная хранительница была в белом костюме с роскошной брошью. Стоявшие рядом с ней люди тоже были в белом. Елена Анатольевна с облегчением решила, что ее кошмарам пришел конец – она умерла и попала в музейный рай. И теперь все будет хорошо, раз рядом есть главная хранительница. Елена Анатольевна даже улыбнулась, поскольку ее предположения, что

Берта Абрамовна – привидение или ангел-хранитель их музея, а вовсе не реальная женщина, подтвердились. И она погрузилась в тягучую, липкую дремоту.

Это был просто грипп. С высокой многодневной температурой.

Оклемавшись от болезни, приняв и признав, что Гера не умер, не лежит в больнице, а просто ее бросил, Елена Анатольевна открыла для себя социальные сети, зарегистрировавшись сразу на всех сайтах. У нее была одна цель – найти Геру. Впрочем, это оказалось проще, чем она думала, и быстрее, чем предполагала. И намного легче, чем обзванивать больницы. Гера нашелся в Израиле. Загорелый, веселый, в окружении друзей. Елена Анатольевна рассматривала эти фотографии, находясь в прострации – значит, он просто уехал? Разве это возможно?

Она погрузилась в транс, если ее состояние можно было считать трансом. Скорее она впала в кому, душевную. Замерла, застыла. Со стороны она казалась слегка заторможенной, что списала на осложнения после гриппа.

– Еленочка Анатольевна, что с вами? – Берта Абрамовна, конечно, не могла не заметить перемен, произошедших с молодой сотрудницей. Если она молчала, это совсем не означало, что она ничего не знает. Главная хранительница знала и про Геру, и про то, что Елена живет одна и никогда в жизни не позволит себе не явиться на работу, не предупредив. Поэтому когда ее не оказалось на рабочем месте, Берта Абрамовна тут же поехала к ней домой и вызвала врачей. И именно она невольно подсказала Елене официальную версию «болезни». «Почему глаза слезятся и хочется спать? Нет никаких сил?» – «Аллергия!» – «Вы принимаете лекарства?» – «Да, они часто дают такой эффект. Я от них на ходу засыпаю». Эта версия прижилась в коллективе. Считалось, что Елена Анатольевна страдает жестокой аллергией буквально на все – от цветочной пыльцы до музейной пыли – и вынуждена сидеть на таблетках. Поэтому и сонная. Поэтому и глаза на мокром месте.

Но именно благодаря Гере Елена Анатольевна, как это ни странно, продолжала жить. Через социальные сети она могла следить за его жизнью, узнавать о его передвижениях, новостях и мыслях. Правда, это было особенно мучительно. Оказалось, что целый год она прожила с совершенно чужим человеком. Совершенно. Даже не могла предположить, что он смотрит футбол, любит итальянскую кухню. Оказалось, что он достаточно злой и высокомерный, совсем не терпит критику. А еще – самовлюбленный и обидчивый. Но Елена Анатольевна, разглядывая фотографии, не верила, что этот Гера – ее Гера. Такого просто не может быть.

Она погрузилась в воспоминания – те, которые были ей дороги, которые она хранила. Она вспоминала, как была молодой сотрудницей, только пришедшей в музей. Пугливой, шархающейся от каждой тени. Берта Абрамовна, принявшая ее на работу, первой догадалась, что Еленочка, как она ее сразу стала называть, близорука и забывает надеть очки. Отсюда и пугливость, впрочем, «очень милая», как отмечала главная хранительница.

Еленочка стояла около стойки в крошечном музейном буфете-столовой, разглядывая в витрине тарелки с салатом. На самом деле очки она оставила на рабочем столе и сейчас силилась понять – сегодня предлагают капустный салат или все-таки оливье. Елена Анатольевна не любила неожиданностей – она должна была знать, что будет есть. И очень страдала от того, что пыталась решить дилемму – спросить, что за салат, или не спрашивать? Капустный она терпеть не могла, а вот оливье, напротив, любила. И, задумавшись, терзала себя сомнениями – взять и надеяться на оливье и разочароваться, если все-таки окажется капустный? Такой ее и впервые увидел Гера – подающий надежды скрипач, который репетировал в одном из музейных залов. Он стоял за ней в очереди, и от этого Еленочка страдала еще больше – она не хотела вызывать заминку и причинять беспокойство остальным. И именно поэтому не рискнула спросить про салат – покорно взяла и обреченно вздохнула – салат оказался капустным. Свободных мест в буфете не было, и Гера подсел к Еленочке, чем напугал ее еще больше. Зато у нее сразу

пропал аппетит, и вопрос с салатом был решен сам собой. Гере оказался не нужен собеседник – ему нужен был благодарный слушатель, которого он и нашел в лице Еленочки. Он рассказывал про концерт, про репетиции, про мечты стать дирижером. Еленочка слушала, с облегчением отставив салат. Ее в тот момент заинтересовал не столько Гера, сколько найденный благовидный предлог – она может не есть салат, поскольку увлечена разговором.

Для Елены Анатольевны были очень важны эти нюансы, такие незаметные для окружающих, но становившиеся у нее поводом для долгих раздумий. Она считала это своеобразным неврозом, возможно, излечимым, но безобидным, хотя сама и очень страдала от своего состояния. Однажды она позволила себе вольность, о которой никак не могла забыть и внутренне страдала. Главная хранительница пригласила ее выпить кофе и обсудить «рабочие моменты». На самом деле Берте Абрамовне нужно было решить, подходит ли брошь к блузке или нет, а заодно просмотреть очередной выпуск фильма.

Берта Абрамовна сидела за столом и крутила в руках мобильный телефон, пока Елена Анатольевна «организовывала трансляцию». И тут Еленочка не выдержала – она аккуратно взяла телефон из рук главной хранительницы и положила его на стол.

– Раздражает? – спросила Берта Абрамовна.

– Немного, – ответила, смутившись собственной наглости и дерзости, Еленочка.

– Это невроз, – категорично заявила главная хранительница. – А то, что я телефон кручу в руках, – это психоз. Но невроз хуже. Надо лечиться. Попейте пустырничка.

– Хорошо, – пообещала Елена Анатольевна, раз и навсегда запретив себе обращать внимание на чужие руки. Но она ничего не могла с этим поделать. Чем ей понравился Гера? Он красиво держал вилку. Именно так, как нравилось Еленочке. Не близко к основанию, посередине, легко, не сжимая всей ладонью.

Совместные обеды вошли у них в традицию. Даже когда Гера перестал репетировать в музее, он приезжал специально к Еленочке – чтобы поговорить, выговориться. Ему было все равно – он громко перечислял меню, что для нее стало настоящим спасением, задавал вопросы – а из чего компот, а свинина с луком или без, рыба тушеная или жареная, под майонезом или с морковкой? Он совершенно никого не стеснялся, что было для нее удивительным, неожиданным.

Еленочка слушала Геру и думала о том, что влюбилась, что вот, оказывается, такая бывает любовь. И наслаждалась своими мыслями. Впрочем, спустя полгода Еленочка пришла к выводу, что Гера ее вовсе не любит, возможно, даже вообще не видит в ней девушку, а считает музейным экспонатом – безмолвным, стабильным, пыльным, не замечающим, как течет мимо него время. Еленочка подняла печальные глаза на Геру, который в этот момент, оживленно жестикулируя, рассказывал об оркестре, с которым ему предстояло играть, и приняла решение, о котором думала последние несколько ночей.

На следующий день она к обеду «не вышла», как заметила Берта Абрамовна. Елена решила, что больше не будет встречаться с Герой. Хотя, сидя за рабочим столом, пережидая обеденный перерыв, она думала о том, что Гера мог бы ее найти, или подождать на выходе из музея, или встретить на входе. Мог бы, будь она ему нужна. Но никто не караулил, не поджидал, не искал. И вынужденная голодовка была совершенно бессмысленной. Для Елены этот поступок, «разрыв», как она называла это про себя, стал настоящим подвигом. Она своими руками смогла изменить сложившийся распорядок. Такой решительности и решимости она от себя совсем не ожидала и еще целый месяц казнилась из-за этого. Не то чтобы она очень страдала и скучала по Гере, но он стал частью ее жизни, ее ежедневным ритуалом, к которому она привыкла и, как оказалось, совсем не была готова к столь кардинальным переменам. Да, для нее осознание того, что она не интересуется Геру как женщина, стало менее болезненным, чем перетряска режима дня. На обеденное время она реагировала, как собака Павлова – ей были нужны эти встречи, эта котлета и жидкое пюре. Она очень хотела есть и была согласна

даже на капустный салат. Но заставить себя выйти из кабинета, дойти до буфета и там оглядываться по сторонам, надеясь, что Гера сидит за соседним столиком, она не могла. Это было выше ее сил. Достаточно того, что она, выходя на улицу после рабочего дня или приходя по утрам в музей, надеялась на встречу с ним. Замедляла шаг, оглядывалась, снимала и надевала очки, но его не было. По дороге домой Еленочка жестоко страдала, почти до слез, – ведь если бы он только захотел, найти ее в музее не составляло никакого труда. Значит, она ему просто не нужна. Тогда зачем он ухаживал за ней целых полгода? Зачем были нужны эти совместные трапезы? Этого Еленочка не могла понять, как ни пыталась. Тысячу, миллион раз она вызывала в памяти их обеды, ее редкие и немногословные ответные реплики на его рассказы, по крупицам восстанавливала в памяти прошлое и тщетно искала намеки на скрытую симпатию.

А потом наступили новогодние праздники. Музей готовил концерт – идея традиционного «капустника» принадлежала Берте Абрамовне. Концерт для «своих». Приглашались сотрудники и коллеги из дружественных музеев. Такое подобие смотра художественной самодеятельности или «домашнего концерта», как говорила главная хранительница. Берта Абрамовна была убеждена, что совместные репетиции очень сплачивают коллектив, а сам концерт, организованный «собственными силами», станет «знаковым рубежом» и «годовым отчетом». Главная хранительница, по давно сложившейся традиции, выступала с романсами – считалось, что у нее дивное меццо-сопрано. Еленочке Анатольевне «выпала честь» играть на гуслях.

– Еленочка Анатольевна, ну порепетируйте, отнеситесь к этому серьезно! – каждый день наставляла свою подопечную Берта Абрамовна. – У вас же за спиной класс балалайки!

Это было правдой. Елена Анатольевна по какой-то усмешке судьбы была отдана в детстве на балалайку и покорно отыграла на ней все положенные годы музыкальной школы. Устраиваясь на работу в музей, она указала этот факт в анкете – скорее случайно, чем сознательно. И кто бы мог подумать, что Берта Абрамовна тщательно проштудировала все личные дела сотрудников и раздаст «роли»? Балалайка, видимо, показалась хранительнице недостаточно «интересным» инструментом, и Еленочка Анатольевна должна была выучить «легенькую, но очаровательную пьеску» на гуслях.

Еленочка перебирала струны на гуслях и не видела в зале Геру. Даже если бы она подняла голову, то не увидела бы его из-за своей близорукости. Любое выступление отзывалось в ее сердце мукой, но Берту Абрамовну она боялась больше, чем публику. Впрочем, Еленочка не могла не признать того факта, что гусли ее успокаивают. И свободное время, которое она получила для дополнительных репетиций, позволяет ей спокойно погружаться в себя, не требуя оправданий и объяснений.

Еленочка Анатольевна так и не спросила у Геры, почему он не искал с ней встреч. А если бы и спросила, то он сильно бы удивился. В тот день, когда она решила «не выходить к столу», Гера уехал на гастроли с оркестром, а потом закрутился в делах и даже не вспомнил о ней. В его оправдание можно сказать, что он вообще не придавал особого значения их совместным обедам. В музее была приличная и дешевая еда, вот и все. Здесь было удобнее и выгоднее обедать, чем в кафе. А Елена была такой же частью обедов, как капустный салат. Когда он приходил, она всегда в одиночестве сидела за столом. Остальные столы были заняты, и Гера подсаживался к ней. Или она стояла в очереди, а Гера вставал рядом, чтобы оказаться поближе к кассе и сэкономить время.

Гастроли закончились, и Гера опять начал репетировать в музейном зале, чему очень был рад. Но про Елену он даже не вспомнил. Радость заключалась в том, что после репетиции он мог спокойно пообедать. Он совершенно случайно услышал, как в соседнем зале кто-то терзает гусли. Еще удивился – неужели здесь уже школьники репетируют? Ради любопытства Гера заглянул в полуоткрытую дверь и увидел Елену – в кокошнике, с переброшенной через плечо синтетической косой, отдававшей синевой, в длинном сарафане и с гуслями на коленях.

Он стоял в дверях и удивлялся, как мог забыть про свою сотрапезницу. А ведь она очень даже ничего. Миленькая. И этот сарафан ей идет.

Он переехал к ней – Елена жила одна. Поверить в то, что теперь она не одинока, что в ее квартире появились мужские вещи, в ее ванной стоит его бритва, а в ее шкафу висит его концертный костюм, она не могла. И, приходя пораньше домой, открывала ящик комода и осторожно трогала вещи – да, он здесь. Он с ней. Вот носки, вот на спинке стула – рубашка.

Если бы у Еленочки Анатольевны кто-то спросил, как так получилось, она бы не смогла ответить. Гера появился сразу и, кажется, навсегда. Все само собой, без ее участия. Она помнила, что Гера влетел в зал, где она репетировала пьесу, смеялся, шутил, повел ее в буфет, потом в кафе рядом с музеем, где они пили коньяк, а потом сразу оказались у нее. И Гера остался. На следующий день перевез свои вещи. Еленочка наблюдала за этим как будто со стороны, не приходя в сознание от внезапно нахлынувшего счастья. Ее словно парализовало – у нее не осталось ни воли, ни рассудка, ни разума. Одно сплошное чувство. Нет, вряд ли это была любовь или страсть. Скорее преклонение перед мужской силой. Гера взял ее за руку и повел, решил все за нее. Еленочка снова и снова погружалась в свои мечты. У нее не было вопросов, недовольства или желания чего-то большего – например, свадьбы и официального брака или совместного бюджета.

– А что у нас к чаю? – спросил Гера как-то вечером. И, наверное, это был единственный раз, когда остатки разума пытались пробиться в размягченный от чувств мозг Еленочки.

– Ты мог бы зайти в магазин и купить торт, – сказала она.

– Что ж ты мне не сказала? – искренне удивился Гера, и Еленочка отправила разум подальше. Конечно, она должна была просто ему сказать – и все.

Еленочка Анатольевна от семейной жизни превратилась в привидение – на лице остались только глаза. Она исхудала, ничего не ела, кроме обедов на работе. Вечером она есть не могла совсем – сидела и смотрела, как ужинает Гера, и другой пищи ее организм не требовал. Впрочем, излишеств не предполагала и ее зарплата, на которую мог прожить только один человек, желательно с ограниченными потребностями, но никак не семья. Гера же, после истории с тортиком, если что-то и приносил в дом, то только для себя. Он, например, покупал себе отдельную зубную пасту и особый сорт чая, который мог заваривать и пить только он. Даже когда он принес комплект нового постельного белья и новое полотенце, никакой мысли не зародилось в ее замутненной голове, никакие тяжкие думы в ней не поселились, никакая обида не заползла в сердце. Еленочка даже и помыслить не могла, что он брезгует ее выстиранным стареньким бельем, на котором она спала, еще будучи школьницей и студенткой. И уж тем более ей не пришло в голову, что ему противно вытираться выданным ею полотенцем, единственным большим, банного размера, кстати, подарком на день рождения от коллег. Но на новом постельном белье, с новым полотенцем, не оставлявшим ворсинок на теле, с собственной зубной пастой и пачкой чая Гера почувствовал себя как дома. А Еленочка не знала другого мужчины и не знала, как должно быть, поэтому решила, что вот оно – счастье.

Все-таки счастье Еленочки Анатольевны заключалось еще в том, что она не была типичной девушкой, и многие женские проблемы ей оказались просто не знакомы. Так же, как она не могла спросить у повара про салат, она ни за что не спросила бы у Геры про его семью. Она не задавалась вопросом, с кем и как он жил раньше. Ее не интересовало, сколько он зарабатывает и что думает об их будущем. Еленочка наслаждалась сегодняшним днем, жила собственными ощущениями. Она обладала редким качеством, которое практически не наблюдается у женщин, встречается лишь у детей, стариков и гениев, – полным отсутствием здравого смысла.

– Еленочка Анатольевна! Елена Анатольевна! Вы меня слышите? Вы не видели мои туфли? Их опять кто-то переставил под другой диван!

Еленочка Анатольевна очнулась от раздумий – она пыталась вспомнить, какие у Геры руки. Каждый день она давала себя задание – запомнить до мельчайших подробностей его ногти, нос, глаза, уши, ступни, чтобы потом представлять их, стоит только закрыть глаза, – и посмотрела на грозно нависшую над ее столом Лейлу Махмудовну Иванову.

Лейла Махмудовна Иванова была не просто главным, самым опытным и старейшим экскурсоводом их музея – она была лучшей подругой и главной соперницей Берты Абрамовны. Их дружба-противостояние, интриги, страсти, которым позавидовал бы любой гарем, длились вот уже без малого... Но зачем упоминать возраст? «Это же неприлично, в конце концов!» – восклицала Лейла Махмудовна, когда Берта Абрамовна решила внести год ее рождения в личное дело. Там стояли только дата и месяц. Они были одногодки, но если Берта Абрамовна всегда подчеркивала свой возраст, намеренно, считая, что выглядит лет на двадцать моложе благодаря ежедневному обтиранию кубиками льда и жесткому массажу лица горячим махровым полотенцем, то Лейла Махмудовна предпочитала стареть «красиво» и «естественно», уступить природе. И безуспешно Берта Абрамовна показывала подруге, как нужно «отбивать» подбородок решительными движениями рук, как правильно накладывать полотенце, скрученное в упругий валик, под шею и завязывать на макушке, чтобы противостоять силе земного притяжения.

– У нас уже все стремится вниз, – убеждала Берта Абрамовна, – понимаешь, все вниз. Грудь, живот, подбородок. А надо, чтобы вверх. Все вверх. Собрала все мысленно в узелок на макушке и пошла!

Лейла Махмудовна краснела, как школьница, когда Берта Абрамовна, намеренно или нет, упоминала, что они обе родились... «боже, это было в прошлом веке!».

Свои «рабочие» туфли Лейла Махмудовна аккуратно ставила за диванчики в холле. Но все время забывала, за какой именно диван спрятала их на этот раз. И каждое утро у нее начиналось с поисков туфель. В эти поиски включалась не только Елена Анатольевна, что стало входить в ее обязанности, как и просмотр передачи с Бертой Абрамовной, но и уборщица Гуля.

– Я же помню, что оставила туфли на втором этаже, за правым диваном! Гуля, это вы их переставили? Признайтесь! – Лейла Махмудовна, легко наклонившись, почти достав ладонями до пола, шарила под диваном.

– Я туда не лажу! – отвечала Гуля обиженно.

– Надо говорить «не лезу», – поправляла ее Лейла Махмудовна. – Оно и видно, тут столько пыли! И кстати, я давно вас прошу помыть пол за органом!

– Где? – не поняла Гуля, за долгие годы работы так и не потрудившаяся выучить названия инструментов, залов и экспозиций.

– Вон там! – ткнула пальцем в сторону Лейла Махмудовна. – И диваны, диваны вы когда двигали в последний раз?

– А что мне их двигать? Кто туда смотрит?

– Я смотрю! – возмутилась Лейла Махмудовна, грозно глядя на уборщицу.

– Так не смотри! – огрызалась Гуля.

Ко всем сотрудницам музея, кроме главной хранительницы, Гуля обращалась на «ты». К Берте Абрамовне она старалась вообще никак не обращаться, поэтому тщательно выстраивала обтекаемые фразы, не требующие личных местоимений.

– Вот мне начальство скажет, тогда помою.

Лейла Махмудовна была на две головы ниже Гули и минимум в три раза уступала ей в весовой категории.

Гуля уходила, утаскивая за собой швабру, оставлявшую грязные разводы на полу.

– Ну и как с ней разговаривать? – спрашивала Лейла Махмудовна у Елены Анатольевны. – Как Берта ее вообще могла на работу нанять? А что творится в туалетах? Бумага валяется по полу.

– Если кто и слепая, то не я, – тут же отозвалась уборщица, находясь в самом конце зала.

– Поменяйте воду в ведре хотя бы! – кричала ей вслед Лейла Махмудовна.

– Ага. Прямо вот все бросила и побежала. Так бегу, что щас упаду, – не задерживалась с ответом Гуля.

– Хамка и засранка, – сокрушенно говорила главный экскурсовод. – Я пожалуюсь на вас Берте Абрамовне!

– Жалуйся! И где она найдет такую дуру, которая будет тут за вами тряпкой елозить, пока вы в белых кофтах про культуру рассказываете? Небось у вас-то дома срач почище музейного!

Лейла Махмудовна закатывала глаза.

– Ну что не отвечаешь? Я в точку попала? – радовалась Гуля.

Что касается Гулиного устройства на работу, то тут все было просто. Найти другую такую дуру, которая будет хотя бы создавать видимость уборки за ту плату, которую мог предложить музей, было действительно невозможно. К тому же Берта Абрамовна очень трепетно относилась к подбору кадров, задавая порой странные вопросы на собеседовании и обращая внимание на «нестандартных» людей. Так, в случае с Гулей на главную хранительницу произвела впечатление ее биография. Отсутствие какого-либо пиетета по отношению к кому бы то ни было Берта Абрамовна сочла хорошим качеством для обслуживающего персонала. Гуля, как следовало из анкеты, была татаркой по папе и украинкой по маме. Внешне она – на имени Гульнара настоял отец – была типичной татаркой, но в душе, в разговоре, в сознании – украинкой. Уборщица только первую неделю работы казалась «нормальной», а потом вписалась в коллектив, подтвердив чутье главной хранительницы к «своеобразным, нестандартным, по-своему удивительным людям».

Гуля жила по собственному времени и летоисчислению. Она была удивительно равнодушна к цифрам и датам – приходила, когда хотела, уходила, когда считала нужным. Правда, каждый день уточняла у Берты Абрамовны, во сколько должна прийти завтра. Берта Абрамовна говорила «в девять», Гуля кивала и на следующий день приходила к обеду. Или могла явиться в шесть вечера и пожелать всем доброго утра.

– Так уже день прошел, – отвечала Лейла Махмудовна.

– И мы куда-то опоздали? – риторически спрашивала Гуля с внезапно проявившимся говором.

– Гуля, заклинаю вас, помойте полы под инструментами! – Лейла Махмудовна не могла простить уборщице свои рабочие туфли, которые опять оказались не под тем диваном, под которым были оставлены с вечера. – После вас остаются островки, нет, острова пыли. Неужели нельзя махнуть вашей грязной тряпкой чуть дальше, чем ножка клавесина?

– Так давай я тебе швабру дам и махай, куда хочешь! – радостно отвечала Гуля.

– Проявите хотя бы чуточку уважения! – начинала закипать Лейла Махмудовна.

– Лейла, не кипятись, а то приступ начнется, – отвечала Гуля, – а мне тебя потом тряпкой обтирай.

Когда у Берты Абрамовны были «съемки» с утра, день обещал быть тяжелым для всех. Главная хранительница заклинала Гулю прийти пораньше и сделать влажную уборку, «чтобы не было стыдно». Та послушно и сосредоточенно кивала и, конечно же, опаздывала на несколько часов. Лейла Махмудовна искала свои туфли по всему музею – ведь только в них она могла провести экскурсию. И пока экскурсовод искала свою обувь, школьники бегали по залам, хлопали дверьми туалета, ели шоколадки и заливали пол соком. Берта Абрамовна уходила в свой кабинет и протирала виски тройным одеколоном, запасы которого у нее остались, видимо, тоже с прошлого века. И это было единственное средство, которое снимало мигрень. Главная хранительница свято верила в чудодейственные свойства тройного одеколона, так же, как в огуречный лосьон и розовую воду. И только после того как Лейла Махмудовна не без помощи Елены Анатольевны находила свои туфли и уводила школьников в дальний зал, а Гуля с двухчасовым опозданием являлась на работу и начинала громыхать ведрами в своей

каморке, Берта Абрамовна выходила из кабинета, молясь, чтобы у Лейлы Махмудовны не случилось приступа.

Да, однажды такое произошло в присутствии съемочной группы, и у Берты Абрамовны тоже чуть не случился приступ. Это была тайна, страшная тайна, которую хранили все сотрудники музея. У Лейлы Махмудовны, главного экскурсовода, лучшего, старейшего, уважаемого и уникального в своем роде профессионала, во время экскурсии могла начаться «падучая». Этот диагноз определила Берта Абрамовна, и он прижился. Лейла Махмудовна вдруг, без видимой причины, начинала размахивать руками, задыхаться и валилась на пол. Приступы у нее случались исключительно во время экскурсий и никогда – в кабинете или на улице. Полежав некоторое время на полу, она так же быстро приходила в себя, вставала, заботливо обтертая Гулиным грязным вафельным полотенцем, и как ни в чем не бывало продолжала вести экскурсию. Дети от такого зрелища были в восторге и надолго запоминали поход в музей.

Берта Абрамовна не раз собиралась расстаться с Лейлой Махмудовной, долго «зрела», долго готовила нужные слова. Но, когда уже была настроена решительно, категорично, убедив себя в том, что Лейла не может «пугать бедных детей» и ей лучше пройти лечение хотя бы до состояния ремиссии, она тихонько проходила в зал, где та вела экскурсию, и вся ее решимость мгновенно испарялась. У Лейлы Махмудовны был удивительный дар – она, казалось, гипнотизирует детей своим взглядом, голосом... Говорила экскурсовод очень тихо, и дети буквально заглядывали ей в рот. Лейла Махмудовна умела так присесть, так повернуть голову, так склониться к первым рядам зрителей, что те замирали, замолкали и внимали каждому ее слову. Около каждого стенда среди детей начиналась борьба за право стоять как можно ближе к экскурсоводу, справа и слева. Будь такая возможность, они бы сели ей на голову. И несмотря на свой возраст, Лейла Махмудовна удивительным образом чувствовала современных школьников. В ее руках, как у волшебницы, оказывалась ручка, светящаяся двухцветным лазером, которой она указывала на экспонаты, или фонарик, которым она подсвечивала зал, попросту забыв включить свет. Экскурсия проходила в темноте, при задвинутых тяжелых порттьерах, и только мерцающий луч, за которым послушно следовали школьники, светился в зале. Это был особый дар. Берта Абрамовна не переставала искренне восхищаться талантом Лейлы Махмудовны, хотя и не могла разгадать секрет такого вот обаяния.

Сама Берта Абрамовна откладывала разговор со своей давней подругой не только по душевной доброте, но и потому, что этот разговор был ей очень неприятен. Лейла Махмудовна имела привычку очень близко подходить к собеседнику, буквально впрытык, так же садиться на диван, тесно прижавшись боком, и начинала говорить, только оказавшись буквально нос к носу, пренебрегая допустимыми метрами личного пространства. Берта Абрамовна не выдерживала и минуты – у Лейлы Махмудовны дурно пахло изо рта. Всегда. «Видимо, проблемы с желудком», – думала главная хранительница, но за долгие годы так и не осмелилась указать подруге на этот «деликатный» нюанс. Ей оставалось только удивляться, почему, несмотря на зловоние, дети заглядывают ей в рот, как будто там хранится секрет и тайна. Или дело все-таки в «падучей»? Никто из экскурсоводов не пользовался такой популярностью, как Лейла Махмудовна. Слухи о ней распространялись по ветру, воздушно-капельным путем, и все «большие» экскурсии всегда заказывались именно ей.

– Лейла Махмудовна, вот ваши туфли, – сказала Елена Анатольевна. – Они стояли под креслом.

– Не может быть, я точно помню, что поставила их под диван! Опять Гуля переставила! Она делает это намеренно!

– Мне кажется, ее вчера вообще не было...

– Была! Явилась в пять вечера и пожелала мне доброго утра! Мне кажется, она сумасшедшая!

– Не она одна.

Елена Анатольевна ответила намеренно тихо, чтобы Лейла Махмудовна не услышала. Но та, переобувшись в рабочие черные туфли на низком каблуке, побежала к лестнице встречать экскурсию.

Перед лестницей она резко остановилась и с ужасом посмотрела вниз.

– Елена Анатольевна! – заголосила экскурсовод на весь музей. – Скорее сюда!

Нехотя встав с дивана, Елена Анатольевна пошла на зов.

– Это только я вижу? Или вы тоже? – Лейла Махмудовна была в панике и начала размахивать руками.

«Сейчас начнется приступ», – подумала Елена Анатольевна.

– Что случилось? – спросила она, стараясь говорить спокойно.

– Вы ничего не видите? Ничего? – закричала Лейла Махмудовна.

– Нет. А что?

– Перила! Где перила? Исчезли перила!

– Действительно. Я и не заметила.

Это было правдой. Елена Анатольевна совершенно не заметила отсутствия перил на главной лестнице.

– Ох, вы бы не заметили, если бы пропал музей! Как? Как мне теперь спускаться?

Лейла Махмудовна не могла спуститься и подняться по лестнице без перил. Ей обязательно нужно было держаться, иметь опору. Хотя по залам она передвигалась не хуже Берты Абрамовны.

– Нет, нет, нет... – причитала Лейла Махмудовна. – Что происходит? Почему исчезли перила?

Елена Анатольевна смутно припомнила, что перила сняли еще два дня назад – чтобы заменить на новые. Остались только железные кольца-держатели. Но она не придавала этому особого значения. Сняли и сняли.

– И как мне спускаться? Как? – кричала Лейла Махмудовна. – Позовите на помощь! Мне нужна опора! Я не могу летать по воздуху! Этот спуск приведет меня в могилу!

Что было правдой. Главный экскурсовод с трудом могла преодолеть лестничный пролет без посторонней помощи и поднималась на второй этаж музея, собрав волю в кулак и вцепившись в перила – старые, округлые, стертые многочисленными ладонями. Даже несколько ступенек вызвали сильные боли в коленях. Но, оказавшись на этаже, Лейла Махмудовна летала пчелкой и с небывалой гибкостью могла наклониться, присесть, согнуться в три погибели. И если перед началом экскурсии она поднималась в залы экспозиции самостоятельно, пусть медленно, но сама, то вниз ее нужно было спускать – это тоже входило в обязанности или Еленочки Анатольевны, или Гули.

– Что тут за крик? – Берта Абрамовна, как всегда, появилась из ниоткуда и в одно мгновение. Елена Анатольевна вздрогнула от неожиданности. Лейла Махмудовна схватилась за сердце.

– Берта, ты меня до инфаркта доведешь! Снова твои фокусы!

– Прекрати истерику! Немедленно! – тихо сказала ей Берта Абрамовна, решив для себя, что сегодня же поговорит с Лейлой и отправит ее на пенсию. – Перила сняли, поставят новые. От старых у детей занозы.

– Так мне мыть в этом зале? – внизу лестницы появилась Гуля. – Или сначала в вестибюле? Я так и не поняла.

– Нужно помыть везде! – крикнула в ответ Берта Абрамовна.

– А где сначала-то?

– Гуля, не до вас сейчас! Идите работайте! И я вас умоляю – вылейте грязную воду из ведра и налейте чистую!

– Так эта еще нормальная...

– И тряпки постирайте наконец! Я для чего порошок стиральный покупала?

– А я знаю для чего? Тряпки, что ли, стирать? Так не настаиваешься с вами! Только руки убивать!

– Гуля, я вас уволю, если вы немедленно не приступите к своим обязанностям! – гаркнула главная хранительница.

– А я что? Я ж не против, – тут же отступила уборщица, растеряв весь пыл. – Только тряпки-то старые, я их постираю, они и рассыплются. А под диванами... Я-то помою, только там паркета давно нет, земля, считай, одна. Не зря ж я диванами задвинула дыры, чтобы не позориться. Так никто ж не заметил... Я ж как лучше стараюсь...

– Берта! Как мне спускаться? – напомнила о себе Лейла Махмудовна.

– А что такое? – удивилась Гуля.

– Я не могу спуститься без перил! – заголосила экскурсовод.

– Так на жопе... – посоветовала Гуля. – Потихоньку, как с горочки... Протрешь заодно, мне мыть меньше. – Уборщица, не сдержавшись, хохотнула.

– Лейла, а как ты поднялась? – спросила главная хранительница.

– Не помню! Я не заметила, что перил нет! – Лейла Махмудовна развела руками от отчаяния.

– Вот припадочная... – огрызнулась уборщица.

– Все. Прекратите базар. Вы находитесь в музее, а не на рынке! И на работе! Еленочка Анатольевна, помогите Лейле Махмудовне спуститься, – строго велела Берта Абрамовна. – А еще лучше – приведите группу сразу на второй этаж! Почему нельзя немного подумать и принять решение без меня? У меня съемки, в конце концов!

– Так что мне делать – тряпки стирать или мыть сначала? – снова подала голос Гуля.

Но Берта Абрамовна уже испарилась, так же незаметно, как и появилась.

Елена Анатольевна, проводив экскурсию и сдав детей на попечение Лейлы Махмудовны, наконец дошла до своего рабочего места и облегченно опустилась на стул – шаткий, колченогий, с жесткой спинкой. Она прикрыла глаза, натянула на плечи платок, расслабилась, почувствовала тепло и с удовольствием ушла в себя.

Гера приезжает. Будет играть концерт. Конечно, она пойдет, как ходила всегда, хотя он не звонил и не приглашал. Но она знает, когда он будет в Москве, где будет играть. Каждый рабочий день у нее начинался с того, что она набирала его имя в поисковой системе и отслеживала новые фотографии, новости, в которых упоминалось его имя, и мероприятия, в которых он участвовал... Он даже предположить не мог, что она так пристально следит за его жизнью. Несколько раз категорически запрещала себе искать его в Интернете. Держалась пару дней, а потом срывалась. Она разглядывала его фотографию, еще детскую – с сайта выпускников музыкальной школы. Таким она его не знала, но почему-то именно эта фотография была ее любимой. У него была длинная челка, нависающая на глаза, явно немытые волосы, тонкий черный галстук и пиджак, который отчаянно жал в плечах, – Гера был упитанным подростком. У него на фото был надменный взгляд. Не очень приятный мальчик, заносчивый, и нельзя сказать, что симпатичный. Но Еленочка Анатольевна очень любила именно это фото. На нем Гера был таким, каким она его запомнила: курносый нос, не слишком большие глаза, торчащие уши, которые он старался прикрыть волосами, полные, капризные губы. Она пыталась представить себе, как бы реагировала на Геру, будь она его одноклассницей. Нет, в такого мальчика она бы точно не влюбилась. Или влюбилась бы? На фото ведь не было видно его потрясающих рук с аккуратными от природы лунками ногтей, которые Гера состригал почти до мяса. И пальцы – у Геры были совсем не мужские пальцы, которые выглядели чужеродными на его пухлой руке: очень нервные, подвижные, выстукивающие по столу неведомый ритм. Вот в его руки Еленочка могла бы влюбиться сразу и влюбилась. Даже запястья у Геры были тоньше, чем

это бывает у мужчин, даже высоких и худых от природы, из-за чего он никогда не носил часы, смотревшиеся излишеством. Наверное, он стеснялся своих женских рук, которые обращали на себя внимание из-за диссонанса с остальными частями тела.

Так же, по случайным снимкам, стихийно появлявшимся с концертов, она следила за тем, как Гера сначала коротко подстригся, а потом снова начал отпускать волосы. Длинные волосы ей категорически не нравились. Она вдруг вспомнила, как внезапно быстро заканчивался ее кондиционер для волос. И знала, что Гера им пользовался втайне от нее. И уже сейчас Еленочка размышляла, почему он не купил собственный кондиционер, как покупал шампунь, пасту или чай.

Одно время, судя по хронике в социальных сетях, он перестал следить за собой и раздоблел. У него появился не только второй подбородок, но и брыли. Гере это не добавило привлекательности. Но потом он снова похудел. Елена пыталась додумать и представить, что произошло с ним за это время. Эти раздумья доставляли ей почти физическую боль, но она снова и снова набирала его имя в поиске, убеждая себя, что просто «следит за его жизнью, чтобы убедиться, что с ним все хорошо». А еще она думала о том, что однажды он сможет откликнуться – найти ее в социальной сети, написать сообщение, и боялась пропустить этот момент. Когда Елена увидела в почте приглашение на концерт Геры, то потеряла дар речи. И только через несколько минут осознала, что приглашение было отправлено по всем контактам, всем адресатам сразу, в том числе и ей. Но те минуты, когда она думала, что Гера пригласил ее лично и хотел видеть именно ее, были ни с чем не сравнимы. Это было счастье. Елена решила, что так и будет думать – что Гера пригласил ее, и только ее. Значит, он ее помнит, хочет увидеть и наверняка все объяснит. Ведь у него могла быть только очень уважительная причина, чтобы пропасть вот так, без всякого объяснения. И сейчас он все-все ей расскажет, и она, конечно, поймет и простит.

– Еленочка Анатольевна! Еленочка! Добрый день!

Елена Анатольевна опять с трудом и неудовольствием выпросталась из своих дум и села ровно за столом. В кабинете появилась Ирина Марковна Горожевская, младший научный сотрудник музея.

– Вы обедать пойдете? – спросила Ирина Марковна.

– Да, конечно, а что – уже обед?

– Половина второго.

Елена Анатольевна терпеть не могла обедать с Ириной Марковной. Но каждый день обедала именно с ней. Так уж получалось. Ирина Марковна приходила на работу не раньше двенадцати пополудни и сначала шла в буфет. Она звала Елену Анатольевну «для компании», и та не могла отказать. Все попытки избежать совместного ланча оказались безуспешны.

– Я не голодна, – ответила однажды Елена Анатольевна.

– Это плохо. Очень плохо. Есть нужно. Обязательно. Пойдемте. Будете смотреть, как я ем, и аппетит появится обязательно! Я ведь очень вкусно ем! Знаете, как у детей? Моего Лешку невозможно дома накормить, а в садике все ест за милую душу! А Кирюша попросился есть в школе горячие завтраки! Потому что его лучший друг Димка ест горячие! Так что пойдете! Вставайте и без разговоров!

– Я уже обедала, – сказала в другой раз Елена Анатольевна.

– Вот и отлично! Съедите пирожное! Вы же наверняка пирожное не брали! Вот мой Лешка за пирожное готов даже суп съесть. А Кирюша вчера половину вафельного торта умял!

Так что на все попытки Елены Анатольевны увильнуть от обедов с Ириной Марковной у той оказывался очень убедительный довод, чтобы ее уговорить.

Ирина Марковна Горожевская была, пожалуй, единственной в музее сотрудницей «со счастливой личной судьбой» – у нее имелся муж, который работал в автосервисе, и двое

сыновей. Видимо, за этот пункт в анкете Берта Абрамовна и взяла ее на работу, считая, что замужество – такой же порок, как «падучая» у Лейлы Махмудовны. Заподозрить, что необъятная, добрая, открытая, смешливая Ирина Марковна – научный сотрудник, было просто невозможно. Она скорее походила на воспитательницу детского сада или учительницу младших классов. У нее было два «пунктика» – ее сыновья, Лешка и Кирюша, и изобретение новых чистящих средств, о которых она могла говорить сколько угодно и с равной степенью энтузиазма. Если с секретными рецептами случались трудности, то Ирина Марковна переключалась на рассказы о сыновьях, так что Елена Анатольевна знала и о снеговике, который слепил Лешка в садике, и о ветрянке, которую наверняка Кирюша принес из школы и заразил младшего брата. Ирина Марковна рассказывала, как встала сегодня в шесть и успела нажарить котлет, сварить суп и погладить рубашку мужу. Потом отвела Лешку в сад, отправила Кирюшу в школу, прилегла буквально на пятнадцать минут и вот проспала целый час, поэтому и опоздала. Но сейчас пообедает и все успеет.

– Кто рано встает, тому Бог подает, да, Еленочка Анатольевна? – восклицала Ирина Марковна. – А я ведь каждый день в шесть утра уже на ногах! Даже кашу утром варю, а не с вечера. Чтобы свеженькая. Она же, когда только сваренная, вкусная, а если с вечера, так загустевает, ложка стоит и вкус совсем не тот. Лучше я мальчишек дома покормлю, так спокойнее. Вот Лешка в саду не ест, отказывается. Воспитательница говорит, что ест, но я ей не верю.

Елена Анатольевна по дороге в буфет пыталась угадать, о чем сегодня пойдет речь – о мальчиках или о смеси соды с активированным углем как основе для чистящего средства. Она даже загадывала про себя, на удачу, но «предсказание» сбывалось в одном случае из трех. В этот раз Елена Анатольевна «загадала» мальчиков, но Ирина Марковна, уплетая салат, суп, второе, запеканку и пирожное, поведала, что все-таки нашла идеальное сочетание – кока-кола с содой!

– Что? – переспросила Елена Анатольевна.

– Кока-колой можно оттереть сажу с камина!

– Зачем?

– Что – «зачем»?

– Зачем оттирать сажу с камина? У вас есть камин?

– При чем здесь камин? Еленочка, вы меня вообще слушаете?

– Слушаю. Вы сказали, что можно оттереть сажу с камина.

– И не только! – Ирина Марковна подняла указательный палец и счастливо улыбнулась. – Нет, я все-таки ототру ему нос! – радостно воскликнула она.

– Кому?

– Моцарту же! Я ведь вам рассказывала! Рояль в малом зале! Волосы я оттерла, а нос ну никак не поддается! И вот я вычитала, что кока-кола оттирает сажу. Так вот, если ее смешать с содой!..

Елена Анатольевна кивнула. Ирина Марковна продолжала рассказывать, что сегодня же вечером проведет «эксперимент», и она будет не она, если он не удастся!

– Гуля же убирает, – в который раз сказала Елена Анатольевна.

– Где? Она ж туда не лазает! – по-доброму передразнив уборщицу, ответила Ирина Марковна. – Лучше пойдемте, я вам прямо сейчас покажу Моцарта. Ради эксперимента. Вы посмотрите на его нос и потом сравните, когда я его отчищу!

Елена Анатольевна нехотя поднялась, поскольку возражать не умела никому, тем более Ирине Марковне.

Та подвела ее к роялю, крышка которого была украшена розетками с профилями великих композиторов. Однако Ирину Марковну волновал исключительно Моцарт, точнее, его нос.

– Вот, запомнили? Хорошо. Завтра увидите результат!

– Ирина Марковна! Вот вы где! – из-под земли появилась Берта Абрамовна. – Что на сей раз? Новый рецепт?

– Как вы догадались? – Ирина Марковна в испуге отшатнулась от инструмента. Официального разрешения на чистку носов она так и не получила, хотя несколько раз подходила к главной хранительнице, рассказывая про вновь изобретенные чудодейственные составы. Поначалу Берта Абрамовна отмахивалась от Ирины Марковны, как от надоедливой мухи, что та сочла негласным разрешением на реставрационные работы собственными силами. Но после того как Ирина Марковна протерла портрет Бетховена смесью оливкового масла, детского крема и мази от атопического дерматита, главная хранительница категорически запретила «всякие эксперименты». Ирина Марковна долго хранила обиду и требовала, чтобы Елена Анатольевна выступила «независимым экспертом». После чистки Бетховен неприлично засиял, переливаясь радужными разводами на солнце, если на него попадал луч солнца из окна, и слегка изменился в лице. Портрет, к счастью, не представлявший особой художественной ценности, не только изменил цвет, но и формы – у великого композитора проявились голубые глаза, овал лица стал более четким, как после круговой подтяжки, а волосы отдавали перламутровой зеленью.

– Ну я же не хной его красила! Тогда он бы был рыжим! Но ведь не рыжий! – отстаивала свою «находку» Ирина Марковна.

– Оставьте хоть на минуту вашу алхимию. Идите работайте! – строго велела Берта Абрамовна.

– Это не алхимия! – воскликнула Ирина Марковна. – Это же чувствовать надо! Кто еще отмоет, отчистит, как не я?

– Ладно, Ирина Марковна, давайте прекратим этот бессмысленный спор. Но, умоляю вас, оставьте инструмент в покое! – отмахнулась Берта Абрамовна и исчезла.

– Ну как она может? Неужели это никому, кроме меня, не надо? Я же каждую струну тут отчищаю, каждый завиток, каждую клавишу! Сколько я средств перепробовала! Сколько способов! И никому никакого дела! А сколько я на себе принесла в этот музей? На своем горбу! Вон, то кресло, откуда, по-вашему? А зеркало? Само появилось?

– Ирина Марковна, не нервничайте, – попыталась успокоить ее Елена Анатольевна, – все знают, как вы много делаете для музея.

– Опять оно косо висит, – перестав причитать, деловым тоном сказала Ирина Марковна и кинулась к огромному зеркалу, которое висело над лестницей. По задумке Ирины Марковны, оно должно было висеть под определенным углом – чтобы поднимающиеся по лестнице посетители видели в нем свое отражение.

– Ведь так красиво! Это расширяет пространство и дает определенный настрой, – в сотый раз повторяла Ирина Марковна.

Но зеркало никак не хотело висеть «чуть с наклоном», и ей приходилось поправлять его несколько раз в день. Впрочем, безуспешно. Зеркало в массивной оправе могло рухнуть в любой момент, настолько непрочными казались веревки, которые его удерживали. И потом, оно совершенно не выполняло своей функции – не расширяло пространство, а создавало заторы. Дети, поднявшись на лестничный пролет, начинали строить рожи, женщины – прихорашиваться, а мужчины – нервничать. Так считала Ирина Марковна. На самом деле зеркало мало кто вообще замечал.

В тот момент, когда Ирина Марковна сражалась с зеркалом, зазвонил ее мобильный – старший сын спрашивал, что есть на обед. Она тут же превратилась из научного сотрудника в мамашу, плюнув и на зеркало, и на Моцарта.

– Кирюша, котлеты в холодильнике. Я же тебе записку на столе оставила! Как «не видел»? Садись уроки делать! И к компьютеру не подходи! Приду – проверю! Ты понял? Напомни папе, чтобы Лешку из сада забрал. Только не включай чайник! Ошпаришься! Что сказала Наталья

Дмитриевна? А ты ей что ответил? Завтра в парадной форме? Хорошо. Поешь обязательно. Суп в холодильнике. Разогрей. Нет, плиту включать нельзя. Тогда дождись папу, и пусть он тебе суп разогреет. Что? Не будешь есть вечером суп? Ладно, я постараюсь пораньше!

Гера приезжает. Будет играть в программе детского абонемента. Наверняка переживает, что не сольный концерт. Елена Анатольевна гадала, что именно он будет исполнять. Какая разница, впрочем? Он ведь гений. Она всегда ему это говорила. Наверняка он будет переживать, что не было достаточно репетиций с оркестром. И уж точно останется недоволен дирижером. Гера всегда был очень требователен к составу исполнителей. И к себе тоже, безусловно. Но, конечно, очень сложно найти оркестр, который будет соответствовать его уровню. Это Елена ему тоже всегда говорила, пытаясь успокоить. И Гера соглашался – да, с ним тяжело работать. Но ему тяжелее! Играть с посредственностями! И практически без репетиций! Дают всего две! Разве можно играть после двух репетиций?

Гера не любил детей. Никаких. И терпеть не мог для них играть в таких вот детских абонеменах.

– Но это же так ответственно и благородно – играть для детей, они будут слушать хорошую музыку... у нас тоже много детских экскурсий, – говорила Еленочка Анатольевна в те особые мгновения, когда набиралась смелости и решительности не то чтобы возразить Гере, а хотя бы подать голос.

– Ты ничего, совершенно ничего в этом не понимаешь! – тут же взрывался Гера. – Ты ведь не работаешь с детьми, не водишь экскурсии. Сидишь у себя в кабинете, и все. Ты даже представить себе не можешь, как это раздражает. Они елозят на стульях, шепчутся, кричат, просятся в туалет, в буфет. Им наплевать на музыку. Совершенно. Это нужно не им, а их мама-шам-идиоткам. Ненавижу. Эти тетки с куриными мозгами считают, что разбираются в музыке!

– Но ведь ты тоже ходил на концерты, когда был маленьким. Наверняка тебя мама водила.

– Ее я тоже ненавижу. – Гера сказал это так спокойно, как нечто очевидное.

Еленочка задала бы еще много вопросов – ведь это был первый и единственный раз, когда Гера упомянул хоть кого-то из своей семьи, но она не хотела, чтобы он злился.

– Я ненавижу эти концерты, на которые меня таскали каждую неделю.

– Почему тогда ты стал музыкантом? – едва ворочая от страха языком, спросила Еленочка.

– Чтобы отвязались. Как ты не понимаешь, что это видимость – на концерте все красивые, во фраках, тетки сидят в вечерних платьях, музыка, б..., классическая, а до того, что творится за сценой, – никому и дела нет. Ты можешь делать, что хочешь. Полная свобода – бухай, трахайся хоть с животными, но на концерте ты опять во фраке. Как же я все это ненавижу...

Еленочка тогда так и не смогла поверить в то, что Гера говорит ей правду, что он на самом деле так думает. Она считала, убедила себя в том, что у него как у творческого человека временный кризис и он наговаривает и на себя, и на других. А на самом деле он не такой – добрый, мягкий и, конечно же, любит детей.

А стоит ли подойти к нему после концерта за кулисы? Или без приглашения неудобно? Хотя почему – неудобно? В конце концов, она ему не посторонняя. Они жили вместе. И поздравить после успешного выступления – это ведь просто жест вежливости. Что ей надеть? Торжественное или будничное, как будто она случайно оказалась на концерте? Все-таки концерт дневной, поэтому лучше обычное, невычурное. Но тогда будет не так эффектно. А цветы нужно покупать? Или лучше подарок? Зачем ему цветы – наверняка оставит, забудет букет, как всегда забывал. Даже когда они жили вместе, он забывал букеты в гримерке, ставя в пустую, без воды, вазу.

– Давай заберем домой? – просила Елена.

– Зачем? – удивлялся Гера. – Это пошло.

– Почему пошло? Красиво, – отвечала Елена, но Гера ее уже не слышал.

Елена очень любила цветы. Наверное, потому что ей никто их не дарил. Иногда она покупала себе букетик тюльпанов или ветку «деревенской» розы – с мелкими цветами. Цветы у нее стояли долго. Она смотрела на распускавшиеся бутоны и радовалась – так, без повода. Просто потому что цветы. Дома, на подоконнике в комнате, она выращивала гиацинты. Сажала луковицы, ухаживала, следила за пробивающимися ростками и, наконец, радовалась буйству красок.

Нет, Гере цветы точно не надо дарить. Может, купить ему диски? Вот, гимны СССР и России. Продаются у них в музее. Недорого. Она может себе позволить. Или он решит, что она намекает на его отъезд? Нет, все-таки не стоит идти за кулисы, она ведь прекрасно знает Геру – он позовет всех друзей, знакомых и знакомых знакомых. У него всегда был обширный круг общения, который, впрочем, никогда не выливался в многолетнюю крепкую дружбу. За тот год, что она прожила с Герой, они ни разу не были в гостях у его друзей, и никто не приходил к ним. Потом все поедут в ресторан, а Елена откажется. Неудобно. Да и зачем? И как? Геру то посадят в машину, а ее? Нет, лучше вообще не заходить. Можно после концерта позвонить и поздравить. Да, так будет лучше. Но он ведь забывает включить телефон. Тогда она пошлет ему эсэмэс – что-нибудь лаконичное и ни к чему не обязывающее: «Поздравляю». И надо обязательно подписаться, а то он и не поймет, от кого пришла эсэмэска. Да, так она и сделает. Пойдет на концерт, а после отправит сообщение. И все. Нет, так нельзя. Зачем так официально и холодно? Он обидится. Может, он хотел ее видеть, если отправил приглашение? Все-таки нужно купить диски с записями гимнов – Гера всегда ценил чувство юмора и необычные записи – и зайти за кулисы. Цветы точно будут лишними. Да, заглянуть буквально на пять минут и уйти. У нее могут быть свои дела. Да, так будет лучше... Нет же! Нет! Она не должна приходиться одна! Должна прийти с мужчиной и с ним же пройти за кулисы! Тогда она даст понять, что у нее все отлично. Лучше не бывает. И подарок не нужен. Поздравит, представит своего спутника и гордо уйдет. Только где взять спутника? И не потеряет ли она Геру после этого окончательно? Что же делать?

На сей раз оторваться от мыслей Елену Анатольевну заставил звук сигнализации – сирена орала так, что со стены упал календарь. Елена Анатольевна вышла в холл, где уже собралась толпа.

– Что случилось? Лейла Махмудовна? – спросила Елена Анатольевна у Ирины Марковны, стоявшей рядом.

Так уже один раз было – главный экскурсовод в очередном приступе «падучей» упала на экспонат, и сработала сигнализация.

– Нет, вроде ребенок, – обеспокоенно ответила Ирина Марковна.

Со второго этажа действительно вели ребенка – мальчика. Ребенок был скорее перепуган, чем покалечен. Он шел в сопровождении учительницы и одноклассников, которые были в явном восторге от происходящего. Сверху доносился непривычно громкий голос Лейлы Махмудовны:

– Это не я! Он бегал и врезался в стекло. Не заметил! Руку немного порезал. Ничего страшного. Но вы видите? Это не я!

– Спокойно, дети. Ничего страшного не случилось. Все спускаемся! – кричала учительница, безуспешно пытаясь перекрычать сигнализацию и детский гомон.

– Опять натоптали, – услышала Елена Анатольевна за своей спиной недовольный голос Гули.

– Кто-нибудь может отключить эту сирену?! – воскликнула Ирина Марковна.

– Уже нет. Сейчас полиция приедет и отключит, – объяснила Берта Абрамовна. – После того случая с Лейлой стало сложнее. Боже, ну что за день такой?

До приезда наряда полиции мальчику успели замазать порез зеленкой и залепить пластырем, благополучно проводить группу до входа и оценить ущерб – разбитое стекло над партитурой.

– Что делать? Придется ограждение поставить и шнуры протянуть, чтобы близко не подходили к экспонатам, – размышляла вслух Берта Абрамовна.

– Что? Нужно наклейки специальные на стекла прилепить! Как в супермаркетах! – кричала ей в ответ Ирина Марковна.

– Это же кощунство! – отмахивалась Берта Абрамовна.

– А когда они инструменты трогают, это не кощунство? Вон, нос у Моцарта и уши у Бетховена вы видели? Их же невозможно отмыть! Я уже и ножичком пыталась, и спицей – никак не доберусь! И кстати, соду я решила не использовать – боюсь, поцарапает. Может, нашатырем? Как вы считаете? Или пасту зубную отбеливающую с бодягой? Нет, я вот думала попробовать кофейную гущу...

– Ирина Марковна, не до ваших экспериментов сейчас! У меня голова сейчас от этого ора треснет! Где полицейские? Почему мне запрещено отключать сигнализацию? У меня съемки через полчаса!

Наряд в составе одного человека наконец прибыл в здание музея. Полицейский в сопровождении Берты Абрамовны прошел в ее кабинет и торжественно нажал на кнопку, отключающую сигнализацию. В музее сразу стало оглушающе тихо.

– Товарищ полицейский, – торжественно обратилась к нему главная хранительница, – инцидент исчерпан. Ребенку оказана первая помощь. Все в порядке. Приношу свои извинения за беспокойство. Но, вы понимаете, у меня через полчаса съемки. Должна подъехать съемочная группа... И пожалуйста, отмените этот совершенно непонятный мне запрет. Почему я сама не могу отключать сигнализацию? Неужели вы думаете, что, если к нам заберутся грабители, я позволю им уйти? Но пока вы сюда ехали, я едва не оглохла от этого звука! Я понимаю, второй раз за эту неделю срабатывает сигнализация, но и вы нас поймите – у нас дети, они бегают...

– Съемки? Телевизор, значит? Те, что с камерой стоят на улице? Так я их не пустил, – сурово ответил полицейский. – Журналисты эти... Не успеешь приехать, они уже тут как тут. И почему отпустили пострадавших и свидетелей? Не положено. Нарушение.

– Что значит – «не пустили»? – ахнула Берта Абрамовна. – Где они? На улице? Какое вы имеете право? Они не журналисты! Они... они... Это съемки научно-познавательного фильма! Для детской аудитории, между прочим! Вы понимаете, что вы наделали? – Главная хранительница сжимала и разжимала кулаки.

– Запрещено, – прервал ее полицейский. – Сейчас составим протокол, проверим разрешение на съемку... И тогда снимайте, что хотите. Хоть фильм, хоть мультфильм.

– Какое разрешение? Какой мультфильм? Что вы такое говорите? Немедленно впустите сюда съемочную группу! Я решительно требую. Разрешение на съемку я выдала им лично. Устно!

– А вы кто?

– Главная хранительница!

– Так. Разрешения, значит, нет. Ну, пусть обращаются в пресс-службу, пишут запрос, заверяют печатями – и тогда пожалуйста. Пойдемте, показывайте место происшествия...

– Послушайте... Как вас зовут?

– Мозговой.

– Прекрасная фамилия, – прошептала главная хранительница язвительно. – А по имени отчеству?

– Михаил Иванович.

– Еще лучше! – обрадовалась Берта Абрамовна.

– В каком смысле?

– Так звали Глинку!

– И что?

– Мы с вами точно найдем общий язык! – Берта Абрамовна ласково взяла полицейского под локоток, встала на цыпочки и зашептала ему в ухо: – Давайте успокоимся, выпьем кофе и найдем способ уладить это маленькое происшествие.

– Вы это чего сейчас мне предлагаете? Совсем уже? Камеру позвали и взятку мне предлагаете? – Полицейский насупился и вырвал локоть решительнее, чем следовало.

– Господи? Какую взятку? Вы где находитесь? Откуда у нас могут быть взятки? Хотя чего я жду... Наше общество в нынешнем его состоянии... – Берта Абрамовна тяжело вздохнула.

– Так, давайте по порядку. Фамилия, имя, отчество. – Полицейский достал папку и приготовился заполнять документ.

– Вообще-то, к женщине нельзя так обращаться. – Главная хранительница тут же из милой старушки превратилась в строгую учительницу, которая читает нотацию нерадивому ученику. – Извольте, записывайте, Берта Абрамовна де-Трусси. Надеюсь, вы знаете, как пишется «де-Трусси»? Вы же тезка Глинки! Ну же! Стыдно не знать!

Михаил Иванович насупился и стал грызть от волнения кончик ручки.

– Вот! А вместо этого достаточно унижительного и для вас, и для меня положения мы могли бы пить кофе с эклерами! Или пирожным картошкой! Вот вам и вся взятка! Именно это я и хотела вам предложить. Стыдно, молодой человек, вам должно быть стыдно!

Михаил Иванович смутился еще больше от того, что кто-то назвал его «молодым человеком», но продолжал стоять истуканом, силясь записать данные главной хранительницы.

– Ну, вы записали? Или вам по буквам продиктовать? Берта – через «е», а не «э» обратное. Дмитрий со строчной, Елена, дефис, Тимофей с прописной... Вы следите за моей мыслью? Или это слишком быстро для вас? Кстати, вам известно, как пишется де-Толли? Ну же! Не разочаровывайте меня! Вы – человек в форме. Вам должно быть это близко и знакомо! Нет? Но у вас же наверняка есть среднее образование! А имя этого полководца входит в школьную программу. Так вот, дорогой мой товарищ Мозговой, Михаил Иванович, если дела так пойдут дальше, то, боюсь, мы с вами и к утру не управимся с правописанием. А ведь еще есть знаки препинания... Ох, пойдемте же все-таки в буфет. Без кофе нам с вами точно не разобратся. А еще лучше под коньячок – так дело веселее пойдет. Съедем по эклерчику... Ну? Соглашайтесь! – Берта Абрамовна снова ласково взяла полицейского под локоток. Тот стал поддаваться и даже позволил главной хранительнице увести себя на несколько шагов в сторону двери кабинета.

– Дорогой Михаил Иванович. Я уверена, мы с вами найдем общий язык и разойдемся, так сказать, по-хорошему. Более того, я вам обещаю, торжественно клянусь, что в ближайшее время не будет ложных вызовов. Мы не доставим вам никаких сложностей и неудобств. Даю вам слово главной хранительницы. Такие происшествия случаются у нас крайне редко. Ведь мы же музей, тихое место, где ничего, совершенно ничего криминального не происходит и не может произойти! У нас даже грабителей нет! Ну кому, скажите мне на милость, нужен весь этот хлам? Мы ведь делаем благородное дело. У нас здесь дети. Вы меня понимаете? – Берта Абрамовна включила все свое обаяние и едва не гипнотизировала полицейского голосом, заметив про себя, что делает это не хуже Лейлы Махмудовны.

И если бы не Гуля, которая в этот момент заглянула в кабинет, Берта Абрамовна довела бы товарища Мозгового до буфета, напоила кофе с коньяком, накормила эклерами и выпроводила вон из музея. Да еще сделала бы так, чтобы тот извинился за вторжение и почувствовал себя счастливым, вырвавшись из цепких рук главной хранительницы. Уж кто-кто, а Берта Абрамовна в ком угодно могла поселить чувство вины и ущербности. Недаром же вся съёмочная группа чуть ли не наизусть выучила биографию и написание имени и фамилии Баркляя-де-Толли, а режиссер готовился к эфирам, прочитывая биографии Моцарта или

Бетховена, что Берта Абрамовна считала исключительно собственной заслугой. Но уборщице надо было появиться в кабинете главной хранительницы именно в тот момент, когда Михаил Иванович Мозговой убрал папку с документами в портфель и согласился на эклеры, которые, как только что признался Берте Абрамовне, любил с детства.

– Берта Абрамовна, так я тряпки постирала, можно я пойду? – Гуля без стука ворвалась в кабинет.

– Идите, Гуля, идите, завтра чтобы были в девять на работе, без опозданий, – замахала на нее хранительница.

– Гуля? – воспрял духом Михаил Иванович, очнувшись от гипноза главной хранительницы.

– Да, а что? – опять заглянула в кабинет уборщица.

– Татарка? – спросил он у нее.

– Украинка! – обиделась Гуля.

– Так, а разрешение на работу имеется? Давайте паспорт. Регистрация есть? – Михаил Иванович Мозговой передумал идти есть эклеры и вспомнил о служебном долге и о том, зачем явился в музей. Ему стало даже стыдно за свое поведение – неужели он так легко поддался на уговоры? Эта Берта даже мертвого уговорит. Он и не понял, как оказался у двери – ведь только что сидел за столом! И почему он убрал протокол в портфель?

– Чё? – не поняла Гуля и посмотрела на главную хранительницу.

Берта Абрамовна принялась с интересом разглядывать лепнину на потолке.

– Так, ведите меня на место происшествия! Хватит уже! – Михаил Иванович неожиданно для себя повысил тон. Гуля охнула. Берта Абрамовна закатила глаза и из-за спины полицейского показала уборщице кулак.

– А чё я? Я ж только спросить... – Гуля не понимала, в чем провинилась на этот раз, но то, что ей нельзя уходить сейчас домой, до нее дошло быстро.

Берта Абрамовна сделала глубокий вдох, опустила плечи, свела лопатки, втянула живот и ягодицы и повела Михаила Ивановича по лестнице на второй этаж – к разбитой витрине. Ни осколков, ни следов «происшествия» там уже не было.

– Так я ж все помыла! – объяснила Гуля, которая семенила следом, держа в руках ведро и тряпку и отбегая на пару шагов, чтобы показательно и ситуативно смахнуть пыль или мазнуть по стеклу.

– Зачем? – крикнул на нее Михаил Иванович.

– Чё значит – «зачем»? Работа у меня такая! – Гуля подбоченилась. Она оказалась одного роста с полицейским, что сочла преимуществом, поэтому ответила дерзко и нагло: – Еще каждый тут кричать будет! Я дело свое знаю!

– Так! Пройдемте по кабинетам! У всех сотрудников буду проверять документы! – Михаил Иванович пошел пятнами, вспотел так, что под подмышками выступили темные круги, и достал из портфеля не одну, а две папки.

– Господи, за что нам такое? – Берта Абрамовна распрощалась с мыслью о съемке.

– У вас своя работа, а у меня своя. Вызов был? Был. Сигнализация сработала? Сработала. Ущерб есть? Есть, – чеканил Михаил Иванович Мозговой, грозно глядя на главную хранительницу.

– А вот и видно, что вы ни разу не были у нас в музее, молодой человек! – Берта Абрамовна считала, что своим взглядом пригвоздила полицейского к месту.

– Так я первый день! Только заступил на службу! Из Нижнего я! Перевели! И сразу вызов! Думал, место тихое, интеллигентные люди, музей, приду на экскурсию в свободное от работы время, для души, а не по службе, а вы!!! Оскорбляете должностное лицо. При исполнении. Препятствия чините... – Михаил Иванович был явно обижен и разочарован.

– Так при чем тут посещение музея? – радостно улыбнулась Берта Абрамовна. – Приходите, конечно! У нас такие чудесные экскурсии! Мы устраиваем тематические праздники! И концерты у нас потрясающие, силами работников, между прочим! Всегда рады! Вы знаете, что у нас работает лучший экскурсовод города? Лейла Махмудовна! О, вы не представляете! Старейший, опытнейший экскурсовод! Живая музейная ценность!

– У нее разрешение на работу есть? – опять насторожился Михаил Иванович.

– В каком смысле? Кому разрешение? Лейле разрешение? Да она полвека тут экскурсии водит! И ей нужно на это специальное разрешение? – Главная хранительница начала закипать.

– Если она не гражданка РЭФЭ, то должно быть разрешение на работу, – не уступал полицейский.

– Если вы намекаете на национальность, то наша Лейла Махмудовна – Иванова! И коренная москвичка! А вам, товарищ, должно быть стыдно! Вы и у композиторов будете национальность проверять и регистрацию? Так вот я вам скажу, Бах, Григ, Моцарт вашу проверку не пройдут. Они не граждане РЭФЭ, как вы выражаетесь! Давайте пройдем к портрету Шаляпина, чтобы не терять времени. Наверное, только он соответствует вашим бумажкам!

– Проверим... – ответил Мозговой, и главная хранительница уже не театрально, а вполне натурально схватила за сердце, живо представив себе, как полицейский будет требовать регистрацию у портрета Баха.

– Может быть, вы еще и антисемит? – Берта Абрамовна уже не могла себя сдерживать. – Так я еврейка, и в паспорте так записано! Может, вы меня арестуете за это?

– Давайте осмотрим здание! – Полицейский понял, что перегнул палку, и решил отложить проверку документов.

– Может быть, желаете осмотреть экспозицию для начала? – Берта Абрамовна язвила и не считала нужным это скрывать.

– Кабинеты сотрудников! – рявкнул полицейский.

– Как пожелаете. – Берта Абрамовна чуть не присела в книксене и повела полицейского Мозгового вниз.

– Берта! Берта! Я не могу спуститься! Пусть мне кто-нибудь поможет!

Лейла Махмудовна сидела на четвертой сверху ступеньке лестницы и с ужасом смотрела вниз.

– Кто это? – спросил строго Михаил Иванович.

– Это наш главный экскурсовод, о котором я вам рассказывала, – гордо ответила главная хранительница.

– А почему она сидит на лестнице?

– Потому что мы перила сняли, чтобы поставить новые. А Лейле Махмудовне столько же лет, сколько и мне. И ей тяжело спускаться без перил!

И тут случилось то, чего можно было ожидать, но к чему никогда не бываешь готов – Лейла Махмудовна замахала руками, задержалась и покатила вниз по лестнице. Впрочем, катилась она аккуратно, сгруппировавшись. Никто не сдвинулся с места, настолько неожиданно это случилось. Все, включая Михаила Ивановича, стояли и смотрели, как главный экскурсовод скатывается по ступенькам.

– «Скорою!» – тихо сказал Михаил Иванович, который, едва обретя уверенность в своей правоте, снова растерялся и не знал, как себя вести.

– Не надо! – так же тихо ответила ему Берта Абрамовна.

– Почему? – спросил полицейский.

– Потому что ее заберут в психиатрическую клинику, и мы останемся без экскурсовода. У нее приступы на нервной почве. Но то, что она закладывает в души детям, – бесценно. Ее только работа держит. Я не могу так с ней поступить. Не могу лишить работы и упечь на больничную койку. Я ведь ее одногодка. Я ее понимаю, как никто другой. Она просто умрет, сго-

рит, если отлучить ее от детей. Приходите к ней на экскурсию и посмотрите сами. Она – гений в своей профессии. Гении – все безумны. Это я вам как специалист заявляю. Вон, пройдите в главный зал. Наркоманы, безумцы, одержимые – иначе они не были бы великими. А если вы Лейлу сейчас запрете в четырех стенах, она умрет. И ее смерть будет на вашей совести. Сколько смертей произошло из-за того, что человек становился невостребованным, никому не нужным! Одиноким! Вы еще молоды и не знаете, что такое одиночество... Дай бог вам этого не узнать... Но Лейлу я вам не отдам. Делайте, что хотите, пишите свои рапорты и отчеты, проверяйте документы, но Лейлу не трогайте!

– Что делать-то? – Михаил Иванович снял пиджак и пытался подложить под голову Лейлы Махмудовны, которая, скатившись с лестницы, лежала клубочком на полу под ногами у полицейского и главной хранительницы.

– Подождать. Она придет в себя... – Берта Абрамовна присела и погладила Лейлу по голове. – Гуля! Еленочка Анатольевна! – крикнула главная хранительница. – Приведите Лейлу Махмудовну в чувство! – И тут же с вызовом обратилась к полицейскому: – Ну что, пройдемте в кабинеты, если вы по-прежнему полны решимости?

– Нет, я же просто для порядка... Мне отчет сдавать по вызову... С меня ж тоже спросят... – Михаил Иванович, казалось, стал маленьким мальчиком, который оправдывается перед строгой учительницей за дерзкую выходку.

– То есть вы уже не настаиваете? Хорошо, – кивнула главная хранительница.

– Да, то есть нет. Напишу, что ложный вызов, – ответил полицейский, засовывая папки в портфель.

– Как сочтете нужным, – благосклонно улыбнулась Берта Абрамовна. – Раз вы уже закончили, то позвольте, я вас провожу, и вы впустите в здание съемочную группу. Да? Можно? Мы ведь не оставим детей без передачи? Я вам говорила, что наш фильм предназначен для детей? И он, между прочим, пользуется популярностью. Огромной. И срыв съемки, невыход очередной серии – о, это будет настоящий скандал. Уж пресса не оставит этот факт без внимания. А зачем нам нужны скандалы? Да еще вам, в первый же день работы на новом месте? Правильно? Вы лучше приходите к нам в музей в свободное время, я лично расскажу вам про вашего знаменитого тезку! Я ведь очень люблю Глинку и проведу вам персональную экскурсию!

– Да, конечно. Но, может, все-таки врачей вызвать? – спросил полицейский.

Михаил Иванович, которого Берта Абрамовна решительно подталкивала к выходу, поглядывал назад – туда, где над Лейлой Махмудовной сустились уборщица и Елена Анатольевна. Правда, теперь его интересовало уже не столько здоровье главного экскурсовода, сколько слегка оголившееся бедро Елены Анатольевны, стоявшей на коленях над Лейлой Махмудовной и обтиравшей ее мокрым полотенцем.

Когда главная хранительница дотолкала полицейского почти до входа, не переставая говорить о Глинке, рассыпаться в комплиментах по поводу бдительности и оперативности полиции, раздался вой сигнализации.

– Ну что – опять? – Берта Абрамовна тяжело вздохнула.

Мозговой был бы и рад уйти, но долг заставил его остановиться. С другой стороны, он был не против задержаться, чтобы получше рассмотреть эту женщину, сотрудницу музея, которая так и осталась стоять на коленях, не обращая внимания ни на вой сирены, ни на свою задранную выше положенного юбку.

– Что случилось? – закричала главная хранительница.

Елена Анатольевна, Гуля и наконец пришедшая в себя Лейла Махмудовна смотрели испуганно.

– Это я! – закричала со второго этажа Ирина Марковна. – Это я виновата! Кока-кола не действовала!

– Что не подействовало? – спросил испуганно Михаил Иванович.

– О господи! Нашла время! Это наша сотрудница, она, знаете ли, реставратор по призванию. Моцарту нос и уши чистит, – объяснила Берта Абрамовна.

– В каком смысле? – Михаил Иванович напрягся, подозрительно глядя на главную хранительницу.

– Ой, давайте отключим эту сирену! – взмахнула та руками. – Я вам потом все объясню!

Они вновь прошли в кабинет, где Михаил Иванович отключил «тревожную кнопку».

– Ну а когда? Экскурсии нет! Никого нет! Я же не знала, что она взорвется! Ну залила немного стекло! Там трещина маленькая сбоку. Это я от неожиданности рукой оперлась! Не специально же! Отскочила – и вот! С кем не бывает? – Ирина Марковна успешно перекрикивала сирену.

– Ирина Марковна, зайдите потом ко мне в кабинет! – крикнула ей в ответ Берта Абрамовна.

– Когда потом-то? За что? – Ирина Марковна побагровела. – Я тут для кого стараюсь? Для себя, что ли? Никто ведь спасибо не скажет! А как я зеркало на себе перла через всю Москву? Откуда оно появилось? А за органом, между прочим, мухи летают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.